

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

Н. Е. Журбина

Воронежский государственный университет

Аннотация: Данная статья раскрывает основные проблемы содержания военнопленных Германии на территории России в годы первой мировой войны, а именно: проблемы транспортировки и размещения пленных, санитарно-гигиенического состояния лагерей для военнопленных, использование труда пленных на территории России, а также их психологическое состояние. Подробно рассматриваются основные положения русского военного законодательства относительно статуса военнопленных и их соответствие нормам международного права. Кроме того, статья содержит воспоминания бывших фронтовиков — солдат и офицеров германской армии, что позволяет более глубоко раскрыть тему исследования.

Ключевые слова: первая мировая война, военное законодательство, военнопленный.

Abstract: This article deals with the main problems of German prisoners of The First World War on the Russian territory, i.e. their transportation and location, hygiene and sanitary conditions of prisoners' camps, employment of their labour and psychological status. The author gives the detailed analysis of the Russian military legislation concerning prisoners of war with the correspondence to the international law. In addition, the article includes the memoirs of the officers and soldiers –war veterans which enable thorough analysis of the subject.

Key words: The First World War, prisoner of war, military legislation.

С развитием общества совершенствовались способы и методы ведения войны, создавались нормы международного права, регулирующие правила её ведения и предоставляющие определённую защиту её жертвам и, в том числе, военнопленным. Эти попытки направить способы ведения войны в цивилизованное и гуманное русло потерпели полное фиаско во время первой мировой войны, сопровождавшейся злостными нарушениями международного права и, в частности, законов и обычаев военного плена.

Во время первой мировой войны получило распространение понятие «гражданского плена». В августе 1914 г. Россию охватила германофобия, вызванная осознанием опасности экономического и военного шпионажа со стороны немцев, проживающих на территории России и осуществляющих предпринимательскую деятельность. 12 августа 1914 г. вышел приказ Министерства внутренних дел, согласно которому подданные Австро-Венгрии и Германии мужского пола, в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, считались военнопленными. Данные лица подлежали аресту и высылке из Европейской части России, как склонные к шпионажу и измене. Таким образом, ещё не успев получить пленных в ходе боевых

действий, к началу войны в России собралось большое число иностранных подданных, признанных военнопленными.

Общее число германских военнослужащих, попавших в русский плен в ходе боевых действий, по разным источникам составляет около 2—2,5 млн. человек.

Размещение военнопленных на территории России было неравномерным. Приоритет в этой сфере отдавался Восточным районам и земледельческим центрам. Наиболее крупными были концентрационные лагеря на территории Сибири, Урала, в Челябинске, Екатеринбурге, Оренбурге и т. д.

Первые партии военнопленных стали поступать на территорию России уже с конца 1914 г. По вопросу относительно статуса военнопленных русское военное законодательство не имело расхождений с международным правом. Пленным должны были обеспечить такие же условия, как солдатам и офицерам русской армии. В Положении от 20 октября 1914 г. предписывалось обращаться с военнопленными «человеколюбиво, как с законными защитниками своего Отечества» [4, 9]. Пленным сразу же возвращалось всё их имущество, за исключением военных бумаг и оружия. Они были подсудны военным судам России. Спектр возможностей применения оружия против них был невелик: в случае побега или массовых беспорядков.

Однако в военных условиях невозможно было соблюсти все предписания, касающиеся содержания военнопленных. Проблемы обнаружились уже при их транспортировке. Пленные пребывали в жалком виде, измождённые и голодные. Кроме того, нередко были случаи, когда для того, чтобы добыть немного продовольствия, они продавали по пути следования эшелонов предметы имевшейся на них одежды. По свидетельствам эвакуационного отдела и отдела по заведыванию военнопленными при генеральном штабе Приамурского военного округа «неоднократно замечалось, что при пересылке военнопленных из одного пункта в другой военнопленные пребывали на место без сапог и тёплой одежды. Причём расследованием сего была установлена продажа этих предметов военнопленными во время следования их в пути»¹.

Что касается размещения военнопленных, то устраиваться они должны были в казармах при местных воинских частях. Однако, в связи с быстрым увеличением количества пребываемых в России пленных, с конца 1914 г. основным местом расселения помимо казарм становятся бараки, в каждом из которых устраивалось от 300 до 500 человек, а также землянки, глубоко врытые в землю прямоугольные помещения. Последние отличались особенно нездоровой атмосферой, с плохой вентиляцией и маленькими окнами. Стены землянок могли быть обшиты досками, во многих местах была обнажена голая земля, что в восточных районах ввиду сильных морозов представляло для пленных серьёзную угрозу для здоровья, и без того подорванного за время войны.

Согласно V статье Гагской конвенции «свобода военнопленных не должна подвергаться излишним стеснениям, заключение применяется к ним лишь в виде исключительной временной меры» [1, 18]. Однако это постановление игнорировалось принимающей пленных стороной. Во время первой мировой войны практиковалось не временное, а постоянное заключение тюремного характера. Так, лагеря для военнопленных были ограждены проволочными загорождениями. «Колочей проволокой ограждались и отдельные бараки, и места для прогулок военнопленных. За ними был установлен постоянный надзор со стороны часовых, караульных и надзирателей. У многих пленных появился особый вид душевного расстройства — «психоз колочей проволоки»» [1, 19].

Питание и снабжение пленных должны были соответствовать содержанию русской армии, что в

военных условиях составляло также большую проблему. Согласно предписанию от 20.(7).10.1914 г. «военнопленные в период их пребывания при местном войсковом подразделении должны получать продовольствие, по-возможности, в равной мере с солдатами данного войскового подразделения». Заключительный протокол первой Стокгольмской конференции гласит: «Рядовой состав должен получать простое и достаточное питание. При этом необходимо, насколько это возможно, учитывать привычки пленных. Продукты должны быть хорошего качества, приготовление аккуратным» [5, 95].

Рядовой состав военнопленных питался так же, как и рядовой состав русской армии, получая еду из того же котла, что и русские солдаты, но только после того, как русские получали свою часть. По русскому же образцу организовывались столовые группы по 10 человек, которые должны были есть из одного котла.

Если в начале войны питание было приемлемым, то уже с конца 1914 г. оно заметно ухудшилось. Пленные довольствовались супом на воде из кожуры лука, заплесневелым хлебом и, в лучшем случае, 50 граммами чистого мяса в день. Одна из немецких медсестёр, которая осматривала лагерь для военнопленных в России, оставила в своём дневнике заметки относительно официально выдаваемого продовольствия. При этом она сделала важное замечание, что в состав мяса, идущего на переработку, входили шкура, сухожилия, головы крупного рогатого скота и кур и иногда даже копыта, так что пригодного к употреблению в пищу мяса из этих 100 гр. часто оставалось лишь 16—25 гр. [5, 96]

Одной из главных особенностей первой мировой войны является то, что в виду огромного значения для победы экономической мощи воюющих государств, широко использовался дешёвый труд военнопленных. При этом запрещалось привлекать пленных для изнурительных работ и работ, имеющих отношение к боевым действиям и направленным против их государств. Но при использовании труда военнопленных нужно было учитывать два фактора: во-первых, многие подорвали своё здоровье до пленения, и таких работников невозможно было использовать в полную силу, хотя были случаи привлечения на работы раненых и больных; во-вторых, нужно было учитывать риск побега пленных от своих хозяев. Известны также случаи нецелевого использования труда военнопленных по усмотрению работодателей, например, в качестве садовников, продавцов, кулеров и т. д.

¹ РГВИА.Ф. 1558. Оп. 9. Д. 11. Л. 71.

Работы, выполняемые военнопленными условно можно разделить на две группы: работы на территории лагеря и за его пределами. Первую группу составляют такие работы, как уборка территории и помещений, заготовка провизии, а также специальные работы на кухнях, в хлебопекарнях, столярных, швейных и сапожных мастерских [1, 96].

Вторую группу составляют земельные (строительство дорог, рытьё колодцев) и промышленные работы. Помимо использования пленных на промышленных предприятиях, строительстве дорог, в шахтах и рудниках, кузницах и т. д., ещё одной весьма распространённой сферой было сельское хозяйство. В этой связи следует отметить, что работа на сельском подворье была самым популярным и желанным видом работ для пленных.

Многие русские крестьяне с особым восторгом относились к германским пленным солдатам. Ввиду узкого кругозора и низкого уровня образованности, представитель иного народа, иной национальности, к тому же выше уровнем культуры, воспринимался ими как нечто диковинное и вызывал одновременно любопытство, чувство страха и уважения перед новым и непонятным. Ещё большее удивление испытывали они при виде нательного креста у немцев, наивно считавшихся басурманами и иноверцами. Это был настоящий культурный шок.

Среди пленных германских солдат было большое количество выходцев из крестьянского сословия, имевших общие с русскими крестьянами проблемы у себя на родине. Это обстоятельство особенно сближало русское население с немецкими солдатами и способствовало росту доверия и сочувствия между ними, что положительно сказывалось на условиях содержания пленных в крестьянских хозяйствах.

Однако следует различать условия в крупных и мелких хозяйствах. В крупных хозяйствах отношения между пленными и хозяевами выстраивались по схеме «полновластный помещик — безвольный крестьянин». «Я был в одном княжеском поместье, — вспоминает один из бывших военнопленных, — где хуже, чем в свинцовых рудниках. Нас кормили, как собак. ... Хуже всего были побои. ... Когда кто-нибудь от истощения больше не мог работать, его секли, пока он не истекал кровью. ... И когда тот терял сознание, ждали, пока он придёт в себя, чтобы продолжить...» [2, 180—181].

Особый интерес с этнокультурной точки зрения представляет также восприятие русских пленными немцами. Для человека западной цивилизации и культуры многое из того, что наблюдали немецкие

пленные, было для них непонятным и необъяснимым, а подчас и противоречивым. Понять до конца русскую душу германским подданным так и не удалось: «... в этой стране ничего не поймешь. Один — дьявол во плоти, другой, наоборот, чистый ангел...» [2, 155].

Они замечали несправедливое отношение правительства к собственным крестьянам: «когда парочка безобидных крестьян собирается вместе, чтобы поболтать, казаки лупят их нагайками, разгоняя «незаконное» сборище» [2, 54—55]. Само государство считалось государством произвола, не соблюдающим собственные обещания и договорённости. Особенно остро встал данный вопрос при отправке пленных в Сибирь, которой они очень боялись из-за жестокого климата.

По «Положению о военнопленных» каждому пленному предоставлялось годовое денежное довольствие, размер которого зависел от ранга: генералам и адмиралам — 1500 руб., старшим офицерам — 900 руб., младшим офицерам — 600 руб.

С 1915 г. вышло новое распоряжение о выдаче на руки лишь 50-ти руб., а остальная сумма должна была находиться у начальника воинской части. Позднее выплата офицерам германской армии сократилась до 25 руб. Причём неоднократно имели место махинации с довольствиями пленных со стороны лагерного руководства: задержка выплаты на несколько месяцев, выдача трети или половины причитающейся суммы с принуждением пленных расписаться за получение всей суммы.

В целом же пленные офицеры соответственно их положению в иерархической лестнице и в плену находились в более выгодном положении по сравнению с рядовым составом. Так, на каждых трёх или четырёх офицеров в качестве денщика выделялся один рядовой солдат, как правило, той же армии. Для господ офицеров были устроены специальные кухни, контроль над которыми принадлежал одному из них. Причём в еде для них не было практически никаких ограничений, кроме спиртного. Жили они отдельно от рядового состава в свободных казарменных помещениях или городских домах. Своим временем офицеры могли распоряжаться по собственному усмотрению. В основном это было чтение, спортивные игры, кружки по интересам, собиравшие за одним столом единомышленников, обсуждающих положения на фронтах, лагерные новости и т. п.

Однако они обязаны были соблюдать определённые правила, которые были прописаны в специальных инструкциях. Так, например, в При-

амурском военном округе военнопленным запрещалось: совершать побег, делать какие-либо покупки, а также заходить в помещения, вступать в разговоры с посторонними лицами, принимать или передавать письма или какую-либо иную переписку, а равно и газет и т. д. Во время прогулки военнопленному офицеру разрешалось «собирать цветы и выкапывать деревца для посадки в своём саду, ловить зверьков, бабочек и т. п., купаться в бухте, но обязательно в купальном костюме, ловить рыбы в бухте»².

Однако, несмотря на все попытки изоляции пленных от местного населения и солдат соответствующей воинской части, при которых они находились, пленные всё равно устанавливали контакты с населением, заводили «дружеские сношения с русскими солдатами», участвовали на митингах и «даже произносили речи на таковых»³. Более того, были случаи выхода пленных из лагеря без конвоя, часто для выполнения каких-либо работ, связанных с их гражданскими профессиями. Как правило, происходило это по особому распоряжению временно командующего войсками округа.

Разница в содержании солдат и офицеров была довольно ощутимой. Так, один из рядовых солдат, попав в комнату офицера, с удивлением восклицал: «...я и не представлял, что здесь так чисто! И такой хороший воздух... У вас и вшей нет, да? ...Разве такое возможно? И фотографии... И стол...» [2, 279].

Практически ни одно воспоминание о плене не обходится без жалоб на паразитов. Большинство пленных «обзаводились» ими ещё во время перевозки в грузовых вагонах, которыми прежде пользовались русские солдаты, или в лазаретах. В лагерях, в том числе и в офицерских, мучения от вшей были настолько сильными, что борьба с ними стала главным занятием. В некоторых лагерях были введены специальные «часы вшей». Пленные, которые из гордости или апатии не подвергали себя этой процедуре, становились опасными очагами заражения для своих товарищей, и поэтому подвергались всевозможным санкциям.

Рядовой состав два раза в месяц отправляли в русскую баню, где можно было почистить свои вещи. Пленные офицеры могли посещать баню в сопровождении караульных в местах, расположенных недалеко от лагеря. Иногда в банях им предлагалось обслуживание дам. Бельё офицерам должны были чистить их слуги.

² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 11. Л. 278.

³ Там же. Л. 279.

Однако это были робкие попытки, которые, в силу объективных причин, не могли привести к значительному улучшению ситуации. Вследствие недостаточного питания, антисанитарных условий содержания пленных и других причин, с 1915 г. начинают свирепствовать эпидемии сыпного тифа, холеры и оспы, которые уносили огромное количество жизней военнопленных.

Число заболеваний в одном лагере могло достигать 50 % и выше. По свидетельству Эдвина Э. Двингера в лагере г. Иркутска в 1916 г. смертность от эпидемиологических заболеваний достигла 350 человек в сутки. В такой ситуации здоровыми считались те, у кого были «только дизентерия, воспаление почек, туберкулез и брюшной тиф. Короче говоря, все, у кого не сыпной тиф или чёрная оспа...» [2, 142].

Помимо эпидемиологических заболеваний распространены были заболевания верхних дыхательных путей: бронхиты, воспаления лёгких, а также дизентерия, ревматизм и т. д. Кроме того, некоторые болезни были характерны для определённого региона ввиду особенных климатических условий: в Сибири — обморожения конечностей, в Туркестане — солнечные удары.

Проблемы, связанные с лечением пленных, возникали не только в России, но и в Германии и Австро-Венгрии. Недостаточность медикаментов и медицинских инструментов, перевязочного материала, а также недостаточное внимание врачей были общими заботами стран, принимающих и содержащих военнопленных.

По показаниям немецких официальных информационных бюро по военнопленным из общего числа попавших в русский плен немецких военнослужащих погибло 9,97 %, судьба 33,02 % осталась неизвестной. По сравнению с этими цифрами количество русских военнослужащих, погибших в Германии, составляет 5,39 % [5, 106].

В целом, при анализе условий содержания военнопленных необходимо учитывать местонахождение конкретного лагеря. Условия содержания военнопленных находились в прямой зависимости от возможностей конкретного региона и его специфики.

Если говорить о восприятии самого факта пленения солдатами и офицерами германской армии, то оно было индивидуальным для каждого отдельно взятого человека. Для одних плен означал конец ненавистной им войны. Для других невыносимо было находиться вдали от боевых действий и не иметь возможности самому повлиять на исход сражения. Смерть в таком случае лучше, чем плен.

Для того чтобы выжить в новых условиях, необходимо было найти новый стимул, цель, ради чего терпеть. Каждый находил свой собственный выход: кто-то в плену начинал писать стихи, кто-то с особенной тщательностью начинал следить за собой, чтобы совсем не опуститься и не потерять человеческий облик. В целях собственного развлечения пленные солдаты могли превратить любую мелочь в развлечение. «Многие часами занимались тем, чтобы по этой нижней части тела [ног] определить не только положение и национальность, но и возраст и черты характера идущего» [2, 117].

Одной из проблем, с которой столкнулись солдаты, длительное время находящиеся в плену, стали гомосексуальные связи. Изнурённые и обессиленные, истосковавшиеся по дому и близким, некоторые не могли больше сопротивляться физическим потребностям. Находясь в полной изоляции от внешнего мира, люди незаметно для себя менялись и вели себя неестественным и недопустимым для них в мирной жизни образом.

В своём дневнике фенрих Э. Двингер отмечает: «Что некоторые военнопленные ходят под ручку, уже не в диковинку. Теперь они сидят друг у друга на коленях. ... Некоторые парочки по вечерам уже не возвращаются в барак, ночи проводят снаружи. ... Вчера двое крепких мужчин подрались из-за миловидного пехотинца, который похож на испорченную девчонку. Он присутствовал при этом, и глаза его блестели» [2, 172]. Таким способом они пытались заглушить свою тоску по любимым и жёнам и оправдывали себя: «... ведь я целую его лишь потому... потому, что представляю себе мою девушку и потому что он на неё так похож...» [2, 190].

Никто из пленных не знал, как долго продлится их вынужденное заключение. Рано или поздно они должны были вернуться домой. Основной риск в подобной ситуации заключался в том, что возникшая в плену необходимость дома могла превратиться в потребность.

В плену у солдат появилось много свободного времени на размышления о природе войны, её причинах. В критических ситуациях, когда жизнь человека подвергается опасности и от него самого уже ничего не зависит, люди всегда обращались к высшим силам, к Богу. Необъяснимым для многих стал тот факт, что даже религия не смогла удержать народы от войны, и каждый представитель определённой конфессии просит своего бога даровать победу его народу. Невольно всплывал вопрос: «... разве Евангелие — не основа всех церквей? Но как тогда Евангелие объясняет всё это? Возлюби

врага своего. ... Я не могу... этого объяснить. ... Может, существует отдельно русский и отдельно германский Бог» [2, 138-139].

Разобраться в мучивших солдат вопросах, выйти из состояния апатии и безразличия к жизни помогали священники, которые в условиях полной изоляции воспринимались пленными как представители того «внешнего мира», который для них был не доступен. Поскольку верующих пленных, желающих посещать богослужения и исполнять соответствующие религиозные обряды, было слишком много, для этих нужд стали привлекать военнопленных священников.

Так как среди пленных были представители самых разных конфессий, у руководства отделов по заведыванию военнопленными возникало много непредвиденных и неожиданных проблем и просьб, касающихся не только религиозных обрядов, но и праздников. Подобные просьбы удовлетворялись в меру возможностей военных округов.

Таким образом, у военнопленных различных конфессий была возможность соблюдения собственных религиозных традиций в течение всего пребывания в чужой для них стране, что способствовало определённой психологической разрядке и позволяло пленным сохранять и поддерживать особенности своей национальной культуры.

Пребывание в плену способствовало переоценке ценностей германских солдат, переосмыслению того багажа идей, с каким они отправились на войну. Они слишком много выстрадали, чтобы продолжать разделять милитаристское воодушевление. Они были твёрдо уверены в том, что они защищали свой дом, свой народ, исполняли свой долг перед отечеством. Однако «... навсегда врезалось в память, что война — дело слишком страшное, чтобы о нём говорить так взхлёб и поверхностно» [2, 284]. Отныне долг каждого культурного человека они видели в том, чтобы делать всё возможное для предотвращения войны.

В целом можно констатировать несоблюдение воюющими государствами установленных международных норм и правил, касающихся условий содержания военнопленных. Непредвиденно большое количество пленных, экономические трудности и внутривнутриполитические проблемы стран-участниц конфликта внесли свои коррективы в понятие «военного плена».

Новым было отношение к пленному как к обезоруженному воину, имевшему право на такое же содержание, как военнослужащие пленившего его государства.

Что касается конкретных бытовых условий и обращения с пленными местного лагерного руководства, то здесь также наблюдается систематическое нарушение общепринятых правил гуманного отношения. Однако следует подчеркнуть, что в каждом регионе России, в зависимости от его специфики, условия, как и отношение местных жителей и руководства, были различными и варьировались от резкого неприятия до установления дружеских контактов с пленными и даже принятия их в члены своих семей.

В завершение анализа бытовых и психологических особенностей пребывания германских солдат и офицеров в русском плену следует отметить, что плен был одним из факторов изменения их мировоззрения. В плену представилась возможность осмыслить и пересмотреть многие постулаты и лозунги, с которыми государство отправило их на войну, а также сформулировать основные вопросы, которые до пленения не вызывали у них ни малейших сомнений, а именно: за что они воюют, оправданы ли приносимые ими жертвы, какие цели могут быть оправданы кровавыми ужасами войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: учеб. пособ. к спецкурсу / С. Н. Васильева. — М.: Редакционно-издат. Центр МГОПУ, 1999. — 132 с.
2. *Двингер Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915—1918 гг. / Э. Двингер. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 350 с.
3. *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.) / Т.Я. Иконникова. — Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО «Хабар. Гос. Пед. Ун-т»: 2004: ООО Хабаровское УПП ВОС — 177 с.
4. *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны / И. В. Крючков. — Ставропольский гос. ун-т: ПГЛУ, 2006. — 143 с.
5. *Wurzer, Georg.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmdechte in Russland im Ersten Weltkrieg / Georg. Wurzer. — V&R Unipress, cop. 2005. — 626 S.
6. *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на территории Дальнего Востока России: 1914-1956 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Е. Ю. Бондаренко. — Дальневост. гос. ун-т, 2004. — 45 с.
7. *Гергилёва А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.И. Гергилёва. — Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. — 22 с.
8. *Талапин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 — май 1918 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. Н. Талапин. — Омский гос. пед. ун-т, 2005. — 27 с.

ИСТОЧНИКИ

1. РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 364; Ф. 1558. Оп. 9. Д. 1, 10, 11, 37.